

Накануне...

(Навстречу
XIX партконференции)

Д. Лихачев. Из всех предложенных Вами тем для беседы я бы выбрал национальный вопрос и стал бы говорить как русский человек. И должен вот что сказать: наши представления о патриотизме очень отстали.

Что такое патриотизм?

Для средневекового человека — это прежде всего восторг перед собственной военной силой, силой своего народа. Побеждать врага, овладевать большими территориями... И это действительно свидетельствовало в свое время, пусть в малой мере, о нравственном достоинстве народа, потому что в этом выражалась его воля, бесстрашие, быстрота сообразительности, решимость рисковать своей жизнью, жертвовать жизнью.

Сейчас чувство патриотизма должно основываться совсем на другом. Оно должно основываться на иных представлениях о нравственном достоинстве нации. Военная победа сейчас покоится на хорошо работающих заводах и на решимости полководцев жертвовать чужими жизнями — не своей.

Нравственное достоинство нации состоит прежде всего в умении общаться с другими нациями и народами. Вот как человек: если он хорошо, по-доброму общается с другими людьми, умеет социально жить, — он приобретает нравственный авторитет. Если человек склонен к милосердию, уважает других людей, помогает слабым, — он тем самым ведет себя с достоинством, заслуживает уважения.

Так и с большой нацией, которой поручено нашей Конституцией поддерживать малые нации. Поведение большой нации в отношении малых, живущих на ее территории, входящих в ее состав, должно быть таким же, как у сильного человека по отношению к слабому: предупредительным, уважительным, «социальным» в широком смысле.

Если страна ведет себя с соседями по-добрососедски, а с малыми народами, входящими в ее состав, по-доброму, то это позволяет относиться к ней как к цивилизованной державе.

Нравственный авторитет нации, страны определяется и многими другими особенностями их бытия. Скажем, отношением к наукам, особенно к фундаментальным наукам. Фундаментальные науки играют в нравственном авторитете нации несравненно большую роль, чем нефундаментальные и технические. Это можно было бы легко установить опросным путем, выясняя отношение к открытиям в тех или иных областях. Огромное значение имеют для авторитета нации и страны гуманитарные науки.

Ворота нации — искусства: архитектура, жи-

вопись, особенно музыка, театральное искусство. Ведь если мы едем в другой город, особенно в другой стране, мы прежде всего знакомимся с памятниками искусства, находящимися в этом городе, с музеями, с городским пейзажем, с обликом города (это тоже свидетельство отношения нации, народа к искусству).

Отсюда ясно, что и отношение народа к памятникам культуры другого народа способно утвердить авторитет народа. Поэтому, когда уничтожаются собственные памятники, и особенно памятники культуры другого народа, находящиеся на «своей» территории, — это чрезвычайно сильно роняет авторитет страны.

Мне кажется, что вопрос о нравственном достоинстве нации касается сейчас всех стран, и нужно, может быть, созывать конференции международного характера для изучения вопроса о том, в чем сейчас состоит истинный патриотизм. Может оказаться, что маленький народ, народ слабый в военном отношении, займет первое место. В современных условиях, повторяю, военная победа есть победа заводов, победа военной машины, военного изобретательства, но не духа нации, духа народа.

Корреспондент. Дмитрий Сергеевич, простите, может быть, победа духовная будет именно за той нацией, которая как раз никогда больше не начнет войну?

Д. Л. Вот в том-то и дело — у нее будет нравственная победа. Победа будет за тем полководцем, который ни разу не поведет свои войска в чужую страну...

Кор. В битву, в чужую страну...

Д. Л. По-моему, это мысль Игоря Шкляревского...

Кор. У него есть «Слово о мире».

Д. Л. Эта мысль оттуда. Там есть очень удачные слова для этой важной мысли. Слова эти нужно написать где-то... на каком-то памятнике, на камне каком-то, чтобы они читались всеми и всегда.

И вот интересная вещь: в русской истории, в русской литературе популярностью пользовались только оборонительные войны...

Кор. Это же Ваша давняя работа сорок второго года, да?

Д. Л. Да, сорок второго года, но мысль эту я потом повторял и развивал. В древнерусской литературе воинские повести были в основном посвящены обороне и милосердию в войне. Оборонительному походу посвящено «Сказание о Мамаевом побоище». В новой русской литературе популярностью пользовалась Севастопольская оборона, война 1812 года. Кстати, Л. Н. Толстой повествование «Войны и мира» остановил у границ России. Действие романа не продолжилось ни на Лейпцигскую битву, ни на взятие Парижа. Это все выпало из «Войны и мира».

Кор. Вы употребили понятие милосердия. По-моему, это русскому народу искони присуще.

Д. Л. Да, не случайно народ у нас называл заключенных несчастенькими. Когда их выво-

дили на работу из острога, их всегда оделяли милостыней. В России не только русский народ был таким милосердным. Немец доктор Гааз, знаменитый доктор Гааз, выходил к каждому этапу, чтобы помочь больным и оделить каторжников милостыней.

Кор. Выходил к униженным и оскорбленным.

Д. Л. Да, к униженным и оскорбленным... Это был моральный принцип народа, но ему подчинялись в России и другие народы, потому что добро заразительно.

Кор. Но, к сожалению, бывает заразительно и зло, очень часто.

Д. Л. Да.

Кор. Недавно «Правда» писала, что 14 июля в Вильнюсе, Таллинне и Риге происходили митинги... В основном они были посвящены памяти жертв культа личности.

Д. Л. Митинги и уличные демонстрации — это нормальное явление общественной жизни, и надо научиться и тем, кто демонстрирует, и тем, кто охраняет порядок, работать, жить и действовать в условиях гласности. И необходимо больше ответственности в публичных заявлениях и обращениях. В частности, демонстрации были посвящены главным образом ужасным событиям депортации части населения народов Прибалтики: эстонцев, литовцев, латышей. Но не следует примешивать сюда антирусский дух. Надо помнить, что русские, украинцы и белорусы потерпели еще большие несчастья от Сталина. Русские несчастны от-

того, что претерпели эти гонения, и еще их же в этих гонениях обвиняют. Одна несправедливость накладывается на другую. И неизвестно, какая еще страшнее. Мы претерпели от Сталина огромные, миллионные жертвы. Особенно русская интеллигенция и русское крестьянство. Крестьянство мне особенно жалко. О крестьянах пишут, но мало. Все остальные могут оставить о своих страданиях какие-то документы, воспоминания. А крестьянских воспоминаний об их депортации нет. Только о семье Твардовского писали...

Кор. Да, Иван Трифонович...

Д. Л. А этих семей были миллионы. И семью Твардовского выселяли еще не в таких страшных условиях, как остальные крестьянские семьи.

Поэтому этот *антирусский* момент в этих демонстрациях неуместен. Нужно понять в республиках, что русские пострадали от Сталина больше, чем они сами. И кто не пострадал от Сталина: грузины, армяне, народы Средней Азии, народы, выславшиеся целиком, в полном составе?

Кор. Я прошу прощения, я не согласился бы с Вами, когда Вы говорите «от Сталина». Я думаю, что понятие сталинизма более широкое...

Д. Л. Да! Конечно, конечно!

Кор. Тут все-таки...

Д. Л. Конечно! Я так для краткости мысли говорю...

Кор. Да, ясно, как знаковая система, как знак.

Д. Л. Да!

Кор. И последний вопрос. Сейчас в Москве организовываются неформальные группы. И, я знаю, эти неформальные группы и в Литве высказали пожелание о создании памятника жертвам культа личности. Как Вы относитесь к такой инициативе? Мне кажется, это высокоморальная инициатива.

Д. Л. Я отношусь к ней очень положительно. Я только против того, чтобы на этих памятниках писать имена всех людей, так или иначе претерпевших от культа личности. Дело в том, что огромное число людей, которые были виноваты в незаконных репрессиях, в повальных арестах и расстрелах, сами были потом арестованы и приговорены без суда. Как их считать: жертвами культа личности? — когда они сами в свое время эти репрессии проводили? Вот «мой» следователь Стромин. Он создавал множество «дел», в том числе «академическое» и дело «промпартии». А затем он был, кажется, в Саратове, арестован и без суда расстрелян. Без суда и следствия! Что он — «жертва культа личности»? Да он сам этому культу способствовал, сам выносил постановления о расстрелах.

Кор. Это его судьба наказала за подобные дела...

Д. Л. Да, наказала. Но таких было очень много. Значит, памятник жертвам должен быть в каком-то общем смысле и только отдельные лица могут быть на нем запечатлены. Может быть, этим лицам можно ставить отдельные памятники? А основные памятники должны ставиться в целом жертвам репрессий, и понятие «жертвы репрессий» должно быть *чистым*, очень чистым.

Кор. А сейчас действительно последний вопрос. Какие у Вас надежды на результаты XIX партконференции?

Д. Л. Я смотрю на эти результаты *оптимистически*. Потому что я хоть и историк литературы, то есть историк «ограниченный», я все же историк. И я знаю, что сейчас общее направление нашего исторического процесса таково, что процесс идет в гору, а не под гору. И какие бы временные трудности, даже потери, у нас ни были, победит добро и победит прогресс, победит нравственное начало, победит гуманистическое начало в нашей культуре. В целом на первое место выйдет гуманитарная культура, гуманитарные науки. Техника будет помощницей, а не целью. Развитие техники не может быть самоцелью. Гуманитарные же ценности — это определенная, законная цель. Техника в малокультурных руках, в руках безнравственных людей, не ведающих гуманитарных ценностей, — крайне опасна.

Цель развития человечества — в человеке. И не просто в сытом и телесно благоденствующем человеке, а в человеке интеллектуальной культуры. Именно он победит. Это неизбежно, какие бы временные неудачи ни были.

Сейчас время крутого подъема. И сейчас время очень интересное. Впервые за всю тысячелетнюю историю русской культуры интеллигенция стоит вместе с правительством. Ведь уже в XI веке летописец Никон вынужден был бежать от княжеского гнева в Тмутарокань, на северный берег Черного моря.

В противоречии с князьями были и другие летописцы и авторы. В частности, Даниил Заточник и автор «Слова о полку Игореве». Вся литература XVIII и XIX веков была в противоречии с государственной властью. Сейчас, только сейчас, положение решительно изменилось, и интеллигенция поддерживает курс на демократию и гласность, полную гласность,

Беседу вел И.-К. К. Мисявичюс

